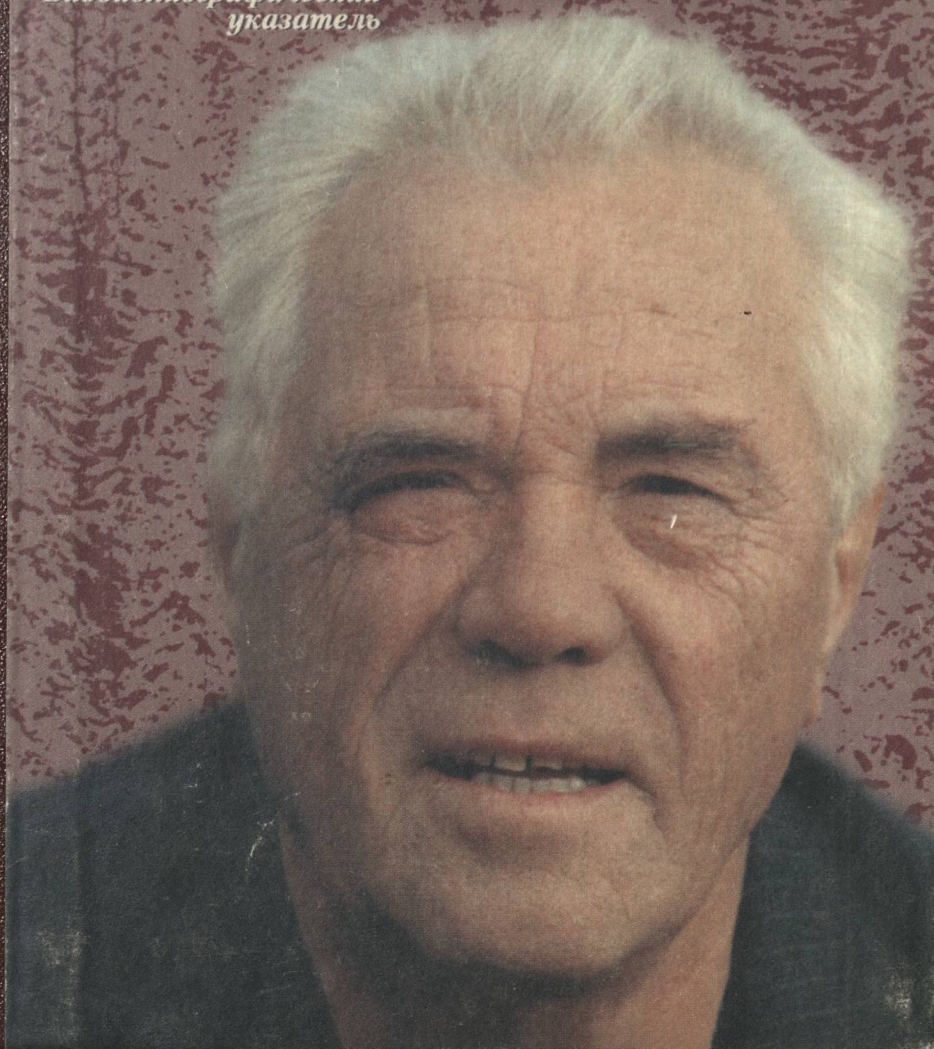
91
А91

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ АСТАФЬЕВ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Биобиблиографический указатель



2022

ИЗДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ
ПАШКОВ ДОМ

Библиотеке Красноярского государственного университета на добрую память о встрече в Овсянке, с надеждой о встрече новой и пожеланиями счастья и благополучия

И. Сакова

25.02.2000 г. Корниц

К 75-летию
со дня
рождения

Научно-исследовательский отдел
национальной и научно-
вспомогательной библиографии

Составитель-редактор
Т.Я. Брискман

Библиографический
отдел

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

Виктор Петрович Астафьев

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

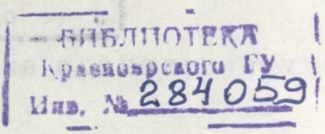
Биобиблиографический указатель произведений писателя на русском и иностранных языках.

Литература о жизни и творчестве

Издательство
«Пашков Дом»
Москва
1999

83,3 (2=Рус).7-81.1 + 83.3(2Р54Кра)
А91

БИБЛИОТЕКА
Красноярского ГУ
Инв. № 284059



ББК 91.9:93
В43

Составитель-редактор Т.Я. Брискман

В43 Виктор Петрович Астафьев: Жизнь и творчество: Указ. произ. писателя на рус. и иностр. яз.: Лит. о жизни и творчестве / Рос. гос. б-ка; Сост.-ред. Т.Я. Брискман.– М.: Пашков Дом, 1999. – 240 с.: ил. – (К 75-летию со дня рождения).

В Указатель, посвященный 75-летию со дня рождения выдающегося русского писателя В.П. Астафьева, включены художественные и публицистические произведения, романы, повести и рассказы в изданиях для детей, опубликованные в 1951-1998 гг. в центральной и местной печати на русском языке и языках народов стран ближнего зарубежья, произведения писателя, изданные на иностранных языках. В Указателе отражена также литература о жизни и творчестве писателя, представлены посвященные В.П. Астафьеву стихи и рассказы, учтены библиографические пособия.

ББК 91.9:93

ISBN 5-7510-0165-6

© Российская государственная библиотека, 1999

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 7
О всех и за вся... *В. Курбатов* 10
Основные даты жизни и творчества. *А. Гремицкая* 16
1. Художественные и публицистические произведения В.П.Астафьева, опубликованные на русском и иностранных языках 34
1.1. Собрания сочинений 34
1.2. Авторские сборники. Отдельные издания произведений 38
1.3. Публикации в коллективных сборниках и периодических изданиях 50
1.4. Произведения В.П.Астафьева в изданиях для детей 70
1.5. Публицистика, статьи о литературе 79
1.6. В.П.Астафьев-переводчик 100
1.7. Издания произведений В.П.Астафьева на языках народов России и стран ближнего зарубежья 102
1.8. Издания произведений В.П.Астафьева на иностранных языках 108
2. Литература о жизни и творчестве В.П.Астафьева 119
2.1. Биографические материалы 119
2.1.1. Награждения, премии 131
2.1.2. Интервью, встречи, беседы с писателем 136
2.1.3. Переписка. Читательская почта 145
2.1.4. Вручение Астафьевских премий 148
2.1.5. «Литературные встречи в русской провинции» 149
2.2. Творчество В.П.Астафьева 151
2.2.1. Работы общего характера 151
2.2.2. Жанровые особенности, поэтика 161
2.2.3. Тематика и проблематика произведений В.П.Астафьева 164
2.2.4. Критические работы и рецензии на отдельные произведения и сборники 167
2.2.5. В.П.Астафьев на TV, в театре, в кино 201
2.2.6. Астафьев в изобразительном искусстве 204
3. Рассказы и стихи, посвященные В.П.Астафьеву 206
4. Библиографические пособия 207
Алфавитный указатель заглавий произведений 209
Указатель имен и работ, описанных под заглавием 225

От составителя

Настоящее издание посвящено 75-летнему юбилею знаменитого русского писателя Виктора Петровича Астафьева, его жизни и творчеству.

Публикации произведений В.П. Астафьева и критическая литература о его творчестве уже становились предметом библиографических работ, но они охватывали различные хронологические периоды, учитывали литературу с разной полнотой: в последнюю из них по времени издания вошли публикации по 1987 год включительно.

Составитель настоящего Биобиблиографического указателя поставил целью собрать в настоящем издании публикации художественных произведений и публицистики В.П. Астафьева в России и за рубежом с максимально возможной полнотой, представить биографические материалы, литературно-критические работы и рецензии на отдельные романы, повести, рассказы и очерки, посвященные ему художественные произведения, а также библиографические пособия о его жизни и творчестве, начиная с первых публикаций по 1998 год включительно.

Собственно библиографический материал предваряют вступительная статья В. Курбатова о В.П. Астафьеве и «Основные даты жизни и творчества».

В Указатель включены книги, статьи из сборников, журналов, газет, опубликованные в центральной и местной печати на русском языке и языках народов стран ближнего зарубежья, а также на иностранных языках.

Книги, сборники и статьи, учтенные в настоящем Указателе, сгруппированы в тематические разделы.

В первом разделе (1.1- 1.8) представлены художественные произведения и публицистика писателя

в собраниях сочинений и авторских сборниках (их содержание раскрывается согласно оглавлению после библиографического описания под пометой «содерж.» или «из содерж.»), отдельные издания романов, повестей, рассказов, очерков, их публикации в коллективных сборниках и периодических изданиях, в изданиях для детей. Они расположены в хронологическом порядке. Издания произведений на языках народов стран ближнего зарубежья и на иностранных языках сгруппированы по языкам, внутри которых также располагаются по хронологии публикации. Второй раздел Указателя содержит литературу о жизни и творчестве писателя: в нем выделены биографические материалы (разд. 2.1) и литература о творчестве писателя (разд. 2.2). Материал в этом разделе расположен в алфавитном порядке, кроме разделов 2.1.1 (Награждения, премии) и 2.1.2 (Интервью, встречи, беседы с писателем), в которых также соблюдается хронологический принцип расположения. Работы, представленные в разделе 2.2.4 (Критические работы и рецензии на отдельные произведения и сборники), приводятся под выделенным названием соответствующего романа, повести, рассказа, сборника. Описание работ, содержание которых относится к двум и более рубрикам, в них не дублируется (повторяется), для связи материала использована система ссылок. Библиографическое описание осуществляется в соответствии с ГОСТ 7.11-84: в области сведений, относящихся к заглавию, приводятся только сведения, помещенные на титульном листе издания. Все остальные сведения , указанные в описании от себя, помещены в квадратных скобках или в аннотации. Сокращения слов приводятся в соответствии с ГОСТ 7.12-77,

а также «Списком сокращений слов и словосочетаний, принятых в дополнение к ГОСТ 7.12.77».
В целях наиболее полного раскрытия содержания настоящего Указателя издание снабжено справочным аппаратом, состоящим из вспомогательных указателей:

1. Алфавитный указатель заглавий произведений В.П. Астафьева.

2. Указатель имен и работ, описанных под заглавием, включающий авторов книг и статей о писателе, художников-иллюстраторов, редакторов и других лиц, названных в описании публикаций.

Российская государственная библиотека приносит глубокую благодарность сотрудникам Библиотеки пос. Овсянка и Пермской областной библиотеки, предоставивших списки публикаций произведений В.П. Астафьева и литературы о нем в местной печати.

В работе над Указателем использованы также картотеки библиографического кабинета Союза писателей.

Составитель выражает признательность сотрудникам Российской государственной библиотеки Р.Е. Беневой, И.Г. Гальпериной, Т.Е. Ксензовой, И.А. Никулиной за помощь в подготовке рукописи к печати и составлении вспомогательных указателей.

Отзывы и пожелания просим направлять по адресу: 101000 Москва, ул. Воздвиженка,3/5. Российская государственная библиотека. НИО национальной и научно-вспомогательной библиографии.

О всех и за вся...

Кажется, это сказал немецкий поэт и философ Новалис: если дух свят, то каждая книга — Библия. Эта мысль вдруг поражает меня, когда я беру в руки изданную «Ленинкой» книгу — такую прикладную, такую рабочую, такую библиотечную. Подлинно — небосвод, Млечный Путь наименований... И все это написано одним человеком и об одном человеке. И все это летит семенами по ветру и, как в евангельской притче о сеятеле, падает или на камень при дороге, или в готовую почву: многое погибает в толкотне и безумии дня и в немоте сердца, но большинство прорастает в живой, ищущей подкрепления душе и в целом человечества читателей этих книг.

Если дух свят...

Этот евангельский требовательный свет вместе с кончающимся веком и тысячелетием обостряет зрение, частности опадают и проступает сущность и смысл назначения человека, художника Виктора Петровича Астафьева. Пока мы читали его книги порознь, в пору их рождения — «Перевал» и «Звездопад», «Пастуха и Пастушку» и «Последний поклон», «Царь-рыбу» и «Оду русскому огороду», «Печальный детектив» и «Прокляты и убиты», — мы метались от сомнения к восхищению, от благодарности к негодованию и могли определять писателя в «деревенщики» и «баталисты», реалисты и романтики, патриоты и демократы, никогда не теряя его из виду, но как будто не находя ему устойчивого места. Слишком горячие частности, нетерпеливая открытость и вовлеченность в кипение дня не то что темнили зрение, а как-то отодвигали обобщение: до того ли, когда улица рвется в окно, и художник ни на минуту не упускает эту улицу из виду и сам как будто по обе стороны окна сразу.

И вот сейчас, под взглядом возраста и века, все собирается и делается как-то разом видно, и, может быть, ни в ком из русских художников последних десятилетий жизнь не находила такого глубинного, такого полного отражения, как в Викторе Петровиче. Иногда даже хочется сказать, что его книги были и не зеркалом, а именно самой настоящей, единственно реальной Жизнью, а то, что мы этой жизнью звали, было только черновиком, испачканным суетливой, не понимающей себя, путаной, неправедной или простодушно-притворной злободневностью. В них было все самое подлинное, чем берегся, чем держался человек посреди истории и благодаря чему он выстоял — вопреки всему. И достигалось это не нарочитым умом и расчетом проницательного художника, но тем, что он в каждой строке доверчиво и исповедно жил. А уж все бывшее со страной и человеком в мрачной, бестолковой, обыкновенной, изредка счастливой, иногда святой и всегда по-русски удалой истории городилось выговориться через него, оставить «карточку на память»: коллективизация, детские дома, ссылки, война, послевоенное бедованье и выпрямление, возрастающее равнодушие и истребление своего как чужого, чистота сердца человека и расчетливое насилие общества. Все это прошло через его судьбу и было лично и единственно — без «персонажей» и «образов», «типов» и «характеров». Не было «материала», была жизнь.

Его «Ода» и его «Последний поклон» — святые, любящие, горькие, переполняющие сердце, невыносимые книги — рассказывали о судьбе одного мальчика, юноши — о его собственной судьбе, но слышали и содержали жизнь каждого русского человека и всю судьбу народа и истории, крови и опыта, традиции и любви. Да и «Царь-рыба», «Печальный детектив», «Пастух и пастушка»,

«Прокляты и убиты», как будто выходящие из автобиографических пределов, были удержаны в своей цельности все им же, им — собственной судьбой, любовью, страданием самого художника, глядящего из каждой строки. А как это «свое» сопрягается с «художественным», видно хоть по светлейшей и все будто не нашедшей читателя, до сих пор ожидающей нас впереди, любимой его «Пастушке». Кажется, он написал ее ровно за столько времени, сколько нужно, чтобы написать текст такой величины, не отрывая пера от бумаги. «Разрешившись в три дня черновиком в сто двадцать страниц, совершенно обалделый и счастливый, я оглянулся и обнаружил, что нахожусь на Западном Урале, в деревне Быковке, в своей избе... в избе давно не топлено, на часах — десять утра и, значит, последнюю ночь я вовсе не ложился спать... и я один и что хочу, то и делаю! «Гр-р-роми захватчиков, р-ребята!» — заорал я и стал затеплять печь».

Вот так — в три дня! А перед этим сколько лет А.Н.Макаров уговаривал его в письмах записать наконец давно уже рассказанную готовую «Пастушку». И вот, когда все «поспело», повесть рванулась как стихотворение. А потом... тринадцать раз переписывалась. Тринадцать раз! Надо было выверить все до запятой, потому что это была первая повесть победителя (особенно важно, что победителя) о том, что война, как средство решения мировых вопросов, есть стыд человечества, его горе, его проказа. Пока война идет, и война спасительная — Отечественная — одно, и он там бился так, что теперь живого места на нем нет, но когда она отходит, победитель возвышает голос к человеческому разуму будущего, потому что сделать это может только и именно победитель, как уже делал Толстой после победы в другой Отечественной войне.

А договорит он эту правду в страшном и сейчас вызывающем гнев не одних его сверстников, но и молодых идеологов отдельной от человека общественной правды романе «Прокляты и убиты» и в родившихся на полях романа, как эхо и эпилог, повестях «Так хочется жить» и «Веселый солдат». И пока война числится в необходимом, хотя бы и осуждаемом мировом инструментарии, художники, осмелившиеся числить ее сумасшествием, будут испытывать всю тяжесть одиночества. Я уверен, что Виктор Петрович все это отличным образом сознает и только крепче и увереннее перехватывает перо, чтобы хоть одному против всех, но тянуть и тянуть дальше не услышанную человечеством у Толстого мысль о том, что история обычно противонародна, как ни дико это прозвучит. Война только страшнее и нагляднее всего обнаруживает, что народ живет, а историю делают, что история — это часто произвол «великой» личности, ввергающей обычного человека, на котором стоит мир, в чуждое ему историческое существование.

И опять же, как ни странно прозвучит, на ложных «исторических путях», на которых умные водители настойчиво вживляют мысль о первенстве истории и общества над частной жизнью, незаметно совершается самое тяжкое — народ перестает быть нацией. Он не думает об этом, просто сама генетика сначала защищается из желания оградить свое нажитое в строительном развитии существо, а там и отчуждается от этого самого в дурную сторону пошедшего «общего», и выветривается до того, что кажется: герои «Печального детектива» и «Царь-рыбы» принадлежат уже к какому-то другому народу, чем герои «Последнего поклона», «Оды» и «Звездопада». Может быть, тут надо было искать какое-то иное слово. Валентин Распутин зовет это новое

образование «населением», а Виктор Петрович продолжает звать народом, потому что знает — «население» это не со стороны ваялось, и, защищая национальное в обезличенном, срывается и не всегда выбирает выражения.

В последних, первенствующе-темных его книгах действительно много несправедливого, и они не напрасно вызывают досаду чрезмерностью обобщений, но и в досаде нельзя сказать, что они писаны неискренним человеком. Везде он по-прежнему рассказывает нам свое сердце, и если настаивает на своем, как на общей истине, то потому, что таков его характер, а не сама утверждаемая им истина. В том-то и заключается самое мучительное, что, и не соглашаясь, ты не можешь освободиться от его «половины» правды и принужден открывать его двойственность и неустойчивость в себе. Зло же исходит от людей, которые из лукавства или выгоды канонизируют подвижную мысль писателя и останавливают ее, вместо того чтобы думать вместе с ним и во встречной искренности искать настоящую полноту истины.

А он всегда, видно, в каждом и в самом эпическом сочинении, на глубине останется тем родным нам с «Последнего поклона»мальчиком с обнаженным сердцем, который так старомодно, так любяще народно вслед вековым урокам русской христианской души, унаследованной от бабушки, жалеет бедных и ненавидит сытых и самодовольных. Это и придает его прозе часто слишком открытую спорность, но вместе и всеобщность. В последнее время прежнее его светозарное, опережающее разум чувство теснится горьким рассуждением, но основа остается та же — нетерпеливое желание справедливости, которую, увы, все мы понимаем по-разному. А уж сегодня и вовсе. И когда он без горечи,